

На два голоса выше

Алена Плотникова

На два голоса выше

<https://litres.ru/74415569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна всего в 19 лет добилась того, о чём многие мечтают годами: должность заместителя директора, уважение коллег и ощущение, что жизнь наконецто пошла в гору. Но путь к успеху оказался не таким гладким — за спиной шепчутся, что она получила место не за заслуги, а «за красивые глазки», а недавний разрыв помолвки оставил в душе болезненный след.

Всё меняется, когда в компании появляются новые руководители — среди них Александр, спокойный, уверенный и неожиданно внимательный к Анне. Один рабочий день, проведённый вместе, переворачивает привычный мир героини: неловкие разговоры сменяются искренними улыбками, а профессиональное взаимодействие — первыми робкими намёками на что-то большее.

Алена Плотникова

На два голоса выше

Глава 1.

Он ушёл. Дверь тихо щёлкнула за его спиной, и в пустой квартире звук этот отозвался глухим эхом — таким же пустым, как и мои мысли в тот момент. Его последние слова всё ещё звучали в голове, будто кто-то бесконечно повторял одну и ту же фразу на заевшей пластинке: «Так будет лучше для нас обоих».

Мы были вместе не так долго — всего год, — но он стал моим спасением в тот период, когда мир вокруг казался серым и безнадёжным. Как странно говорить о расставании, вспоминая наше недавнее сообщение о помолвке... Тогда мы смеялись, строили планы, выбирали дату — а теперь всё это рассыпалось в прах, оставив после себя лишь тишину и вопросы без ответов.

Я машинально подошла к окну. За стеклом шёл мелкий дождь, капли стекали по стеклу, словно слёзы. В кармане пальто, которое он забыл забрать, что-то шуршало. Я достала смятый билет на концерт — тот самый, на который мы так и не сходили. Пальцы невольно сжались, сминая бумагу ещё сильнее.

Я никогда не была карьеристкой. С детства в мечтах я рисовала себе уютный дом, семью, любящего мужа и детей, ко-

торые будут бегать по деревянному полу светлой гостиной. Но он смотрел на жизнь иначе. Для него карьера была на первом месте, а семья — чем-то отдалённым, абстрактным, что можно отложить «на потом».

С самого утра я ходила по комнате, не находя себе места. Часы на стене тикали слишком громко, напоминая, что рабочий день начинается в десять. Первую половину дня я работала удалённо: разбирала документы, отвечала на письма, закрывала бесконечные бумажные вопросы. Вторая половина дня обычно была посвящена встречам с подчинёнными: мы отрабатывали сценарии продаж, искали способы повысить рентабельность компании, в которой я уже четыре года, и смогла дойти от промоутера до заместителя директора. Путь был непростым, но каждый шаг приближал меня к уверенности в себе.

Дни тянулись однообразно: быстрая утренняя рутина, открытие торговых точек, сборы на работу. Я давно взяла за привычку собираться заранее — так оставалось время на кофе и пару минут тишины перед началом рабочего дня. Каждое утро начиналось одинаково: душ, лёгкий макияж, выбор одежды — обычно это был строгий костюм или платье-рубашка в деловом стиле. Я любила начинать день с чашки капучино и тоста с авокадо — маленький ритуал, который помогал настроиться на рабочий лад.

Но к концу месяца дел накапливалось в разы больше: отчёты, таблицы, графики. Работа за компьютером занимала

почти всё время, и порой я ловила себя на мысли, что это даже хорошо. В круговороте цифр и задач легче было забыть о недавнем разрыве. Работа давала силы двигаться дальше — ну и, конечно, поддержка близких.

Из задумчивости меня вырвал резкий звонок телефона. На экране высветилось «Идди» — моя близкая подруга и коллега. Сердце невольно ёкнуло: Идди редко звонила просто так.

— Анна, привет! Сегодня собирают собрание, ты уже в курсе? — её голос звучал взволнованно, с ноткой интриги.

Идди была безумно доброй и приятной девушкой, с той самой миловидной внешностью, которая располагала к себе с первого взгляда: светлые волосы, обрамляющие лицо, лёгкая улыбка и глаза, в которых всегда светилась теплота. Она всегда носила шарфы и необычные серьги — даже в офисе выглядела так, будто собралась на модный показ.

— Что? Нет, я не слышала, — ответила я, чувствуя, как внутри всё сжалось. — Это совсем не входило в мои планы. Я еле успеваю с отчётами на закрытие месяца, а потерять премию совсем не хочется. Во сколько собрание? - Я всегда была очень внимательной, поэтому информация о собрании, которую я пропустила, взбодрила меня, как контрастный душ.

— Анн, ты правда не слышала? — голос Идди стал ещё более обеспокоенным.

Мы были похожи не только интересами, но и тем, как переживали разрывы: после расставания с близкими нас обеих

накрывали тревога и панические атаки. Идди как-то призналась, что в такие моменты она начинает без остановки красить ногти — меняет цвет каждые два часа, пока не успокоится.

— Что-то случилось? — спросила я, чувствуя, как нарастает напряжение.

— Из-за низкой прибыли нам на помощь отправляют новых директоров, — выпалила подруга на одном дыхании. — Насколько я знаю, мы остаёмся на своих должностях, но нынешних директоров увольняют.

— О нет... Как я могла пропустить такие новости? Ладно, что теперь... Можешь выслать мне информацию в сообщении, пожалуйста?

Мы обменялись парой коротких фраз и попрощались. Я положила телефон на стол, но он тут же завибрировал снова — ещё одно напоминание о реальности, которую я пока не готова была принять.

От полученной информации я впала в шок. Ноги подкосились, и я медленно скатилась по стене, опустив голову на колени. Перед глазами проносились воспоминания: наши общие праздники, дни рождения, которые мы отмечали всем коллективом, — кто-то приносил домашний пирог, кто-то — бутылку хорошего вина. Тренинги, на которых смеялись до слёз, вечера в офисе за нелепыми беседами и игрой в PlayStation. Мы не были панибратскими, но были близки — настолько, что я считала своё руководство почти семьёй. И

теперь всё это могло исчезнуть в один момент.

Слова Идди о падении прибыли не давали покоя. Мой аналитический ум не мог просто смириться с ситуацией — нужно было понять, где кроется проблема. Быстрым шагом я пошла к ноутбуку и открыла таблицы с данными о выручке за последние полгода. Пальцы летали по клавиатуре, выстраивая графики и диаграммы. Я проверяла цифры трижды, сверяла с отчётами филиалов, искала аномалии.

Час пролетел незаметно. Когда я закончила анализ, цифры на экране заставили сердце сжаться: компания теряла не менее двух миллионов в месяц. Это было тревожно, пугающе — и совершенно необъяснимо. Как так могло произойти? В голове кружили вопросы, но ответов не находилось.

Моё шоковое состояние прервал новый звонок от Идди.
— Привет ещё раз, — сказала она. — Может, встретимся чуть раньше в нашей любимой кофейне? Нам есть о чём поговорить до начала.

Я согласилась. Через полчаса мы уже сидели за столиком у окна, потягивая капучино и пытаясь осмыслить грядущие перемены. В кофейне пахло свежемолотым кофе и корицей, за соседним столиком пара увлечённо спорила о чём-то, а за окном шёл всё тот же осенний дождь.

Минуты до собрания тянулись, словно вечность.
Постепенно конференц-зал наполнялся людьми. Я узнавала некоторых — тех, с кем общалась по переписке или мельком видела в коридорах офиса, — но многие были мне

незнакомы. Я изучала лица, пытаюсь угадать, кто из них тоже оказался в этой ситуации, кто так же растерян и напуган грядущими переменами. Кто-то нервно теребил край пиджака, кто-то без конца проверял телефон, а одна девушка в углу зала едва заметно дрожала, сжимая в руках папку с документами.

От размышлений меня отвлёк голос генерального директора. Он подошёл незаметно, положил руку мне на плечо и, улыбнувшись сдержанно, но доброжелательно, произнёс:

— Анна, сегодня тебе нужно будет познакомиться с одним человеком. Я дал ему твои контакты — держи телефон наготове: как подъедет, он тебе наберёт.

Прежде чем я успела что-то ответить, он уже отошёл к другой группе сотрудников. Не прошло и десяти минут, как телефон зазвонил. Номер был незнакомым.

— Добрый день! — ответила я машинально, стараясь скрыть волнение.

— Добрый день, Анна. Мне отправили ваш контакт, чтобы вы встретили меня. Я подъехал, жду около входа в офис, — раздался в трубке мужской голос.

На мгновение я замерла. Наш коллектив состоял в основном из молодых девушек, и услышать мужской голос в такой ситуации было неожиданно. По интонации я предположила, что собеседнику лет двадцать пять — тридцать пять.

— Да, конечно, буду через пару минут, — ответила я и поспешила вниз.

Погода поменялась и стала чудесной: солнце пробивалось сквозь лёгкие облака, а ветер едва заметно шевелил листья на деревьях. Прежде чем выйти на улицу, я заглянула в гардероб за пальто. Зеркало на стене отразило моё бледное лицо и напряжённый взгляд — я и не заметила, как сильно разнервничалась.

Возле входа стоял высокий парень лет двадцати пяти. Он посмотрел на меня пару секунд, улыбнулся и направился в мою сторону.

— Здравствуйте, я Александр, — представился он.

Он выглядел уверенно и солидно: дорогое пальто, стильные часы, аккуратный костюм. От него пахло древесным парфюмом, а в глазах читалась спокойная уверенность человека, который привык быть в центре внимания.

Во время собрания Александр внимательно слушал генерального директора, записывал что-то в блокнот, стараясь не упустить ни одной детали. Жаль, что это было почти невозможно: все, кто работал с нашим генеральным, знали — он мог забыть о собственных распоряжениях, а потом требовать совершенно иного.

Собрание началось. Генеральный директор встал у трибуны, обвёл взглядом зал и произнёс:

— Цифры компании стремительно падают, что не может не огорчать. Мной было принято решение провести рокировку сотрудников и пригласить новых директоров, которые смогли бы поднять другие западающие регионы. В течение

двух недель старым директорам необходимо передать свои дела новым сотрудникам.

Он сделал паузу, а затем произнёс то, от чего у меня перехватило дыхание:

— Анна, твоим новым директором становится Александр. Прошу ознакомить его с объёмом работы в ближайшие две недели.

Я лишь кивнула, не в силах вымолвить ни слова. В голове билась одна мысль: «Только не мой руководитель... Только бы его не тронули». Но надежда рухнула в тот же миг: оказалось, что под сокращение попали почти все заместители, кроме руководителя Идди.

Я не могла поверить, что это происходит со мной. С этими людьми я начинала карьеру, под их руководством выросла из простого промоутера в заместителя директора. Всё, чему я научилась, — их заслуга. А теперь мне предстояло собрать всю информацию и передать её незнакомцу.

Настал день, который изменит многое.

Глава 2.

Вечер растворился в тумане — словно сквозь плотную завесу, через липкую пелену усталости и беспокойства. Для того, чья душа и без того постоянно балансирует на грани тревоги, внезапная перемена обстановки неизбежно сулила поток беспокойных мыслей, груды сомнений и переживаний — а это совершенно не вписывалось в мои планы.

Я постоянно перезванивалась с коллегами — теми, с кем меня связывали не просто служебные контакты, а нечто глубже: душевные разговоры за чашкой кофе, совместные ланчи в обед, шутки в корпоративном чате. Мы обсуждали предстоящие изменения в компании, делились догадками о кадровых перемещениях, пытались угадать, кто займёт какую позицию, кого ждёт повышение, а кому придётся искать другое место. Голоса друзей в трубке звучали обычно энергично, но в их интонациях постоянно проскальзывала напряжённость — казалось, уверенности в завтрашнем дне не чувствовал никто.

Ближе к полуночи я наконец-то села за ноутбук. Монитор вспыхнул холодным синеватым светом, напоминая, что рабочие задачи не терпят отлагательств: до конца отчётного месяца оставалось всего несколько дней. Пальцы порхали по клавишам, взгляд скользил по столбцам чисел и диаграмм, но мысли постоянно уплывали в сторону.

Ночь казалась бесконечной. В час я отодвинула отчёты — выполнено ровно пятьдесят процентов. Сна не было и в помине, и это удивляло: больше года назад я наконец справилась с бессонницей, и с тех пор сон был глубоким, а после перехода на новую позицию — ещё и режимным. Но сегодня что-то сбилось. Часы отсчитывали секунды слишком громко, за окном иногда проносились автомобили, оставляя световые полосы на влажном асфальте. Я крутилась в постели, считала вдохи-выдохи, пыталась отключиться — безрезульт-

татно.

Заснуть получилось только к пяти утра. Пришлось передвинуть будильник на девять и мысленно распрощаться с привычным размеренным утром — тем, что начиналось с лёгкой разминки, чашки душистого кофе и десяти минут покоя перед стартом дня.

Пробуждение было резким от кошмарного сна — какого-то хаотичного, но тревожного: будто я мчусь по бесконечному коридору, а двери поочерёдно захлопываются у меня перед носом. На улице стояла серость: тяжёлые облака повисли над городом, мелкий дождик барабанил по стеклу, скатывался вниз, как слёзы. Погода всегда отражалась на моём настроении — не на самочувствии, нет, а именно на эмоциональном фоне. Если за окном нет солнца, я, вероятнее всего, буду либо подавленной, либо раздражительной. Сегодня я склонялась к первому — к той самой подавленности, когда каждое усилие требует напряжения, а мысли расплываются.

Обычно по утрам я даю себе двадцать минут покоя — не касаюсь телефона, не проверяю почту, просто дышу, пью воду, гляжу в окно. Но сегодняшнее утро с самого начала пошло наперекосяк. Едва проснувшись, я потянулась к смартфону. Дисплей загорелся множеством уведомлений — сообщения, напоминания, рабочие переписки. Среди этого хаоса я заметила одно письмо от сотрудницы из торговой

точки, которая была в моём подчинении.

«Анна, извините, всю ночь держалась температура, никак не могу сбить. Скорее всего, оформлю больничный. На завтра замену нашла, сегодня все, кого я спрашивала, заняты. Больничный пришлю в ближайшее время».

Открыв переписку, я увидела прикреплённый файл — справку об открытии больничного. Время поджимало. Поднимать кого-то спозаранку, тревожить в девять утра — это было бы непрофессионально и некрасиво. Я закрыла глаза на несколько мгновений, сделала глубокий вдох и взвесила свои варианты. Решение пришло мгновенно.

Быстрыми, почти механическими движениями я собрала сумку, поправила причёску перед зеркалом, сбрызнула шею капелькой духов — лёгкий цитрусовый запах немного взбодрил. На ходу накидывая пиджак, вызвала такси. Через десять минут я уже ехала к торговому центру. До его открытия оставалось полчаса — как раз успею подготовиться.

В пути я снова просмотрела сообщения. Коллеги уточняли рабочие нюансы, присылали графики на следующий месяц, просили совета. Среди привычных уведомлений появилось одно от незнакомого номера. Открыв его, я поняла — это Александр. Он просил по возможности подготовить краткую сводку о работе в первой половине дня, а во второй — встретиться и познакомиться в неформальной обстановке, чтобы выстроить дальнейшее рабочее взаимодействие.

Я быстро набрала ответ: объяснила ситуацию, сообщила,

что смогу составить краткий отчёт ближе к трём часам дня, и предложила перенести встречу на восемь вечера — когда поток покупателей в ТЦ спадёт и я смогу ненадолго отлучиться. Не дожидаясь ответа, заблокировала экран и вышла из машины.

Торговый центр ещё дремал — витрины были затемнены, охранники лениво переговаривались у входа. Я открыла свою торговую точку, вдохнула знакомый аромат: смесь запахов кофе, свежей выпечки и полироли для мебели. Утренние ритуалы помогали собраться. Я взяла свой любимый круассан с манговой начинкой, направилась за кофе — и внезапно застыла.

У входа в точку стояла знакомая фигура. Высокий силуэт, уверенная осанка, руки в карманах. Александр.

— Александр! Неожиданно, — я улыбнулась, стараясь скрыть удивление. — Доброе утро!

Быстро убрав табличку с перерывом, я зашла внутрь.

— Доброе утро, Анна, — он последовал за мной, улыбаясь. — Я прочитал ваше сообщение и, поскольку имею привычку вставать и собираться заранее, решил, что сегодня моя помощь вам пригодится. И к тому же, — добавил он, оглядывая помещение, — это будет отличная возможность познакомиться в рабочей обстановке.

Я на мгновение замешкалась. Не могу сказать, что была разочарована — но и не испытывала особого воодушевления. Однако, к своему удивлению, улыбка вышла искренней,

без малейшего намёка на натянутость.

— Да, конечно, спасибо вам за отзывчивость, — ответила я.

Весь день мы провели за рабочими задачами. Я собирала информацию, с которой Александру предстояло работать напрямую: распечатывала отчёты за последние кварталы, выделяла ключевые показатели результативности, составляла краткие заметки по каждому направлению. Объясняла специфику работы в нашем регионе — особенности местного рынка, предпочтения покупателей, сезонные колебания спроса. Проводила короткий инструктаж по сотрудникам, которые были в нашем подчинении: рассказывала о сильных сторонах каждого, об их зонах развития, о том, как лучше выстраивать коммуникацию.

Александр оказался на удивление внимательным слушателем. Он не просто кивал, а задавал уточняющие вопросы, делал записи в блокноте, иногда просил повторить какой-то момент, чтобы окончательно его понять. Пока он подменял меня во время консультаций клиентов — вежливо, профессионально, с той самой лёгкой улыбкой, которая, похоже, располагала людей, — я успела оформить отчёты и направить их на проверку.

Мы как раз закончили с очередным клиентом — молодой парой, выбирающей подарок родителям, — когда Александр повернулся ко мне и, чуть прищурившись, спросил:

— Анна, сколько вам лет, если не секрет? Вы очень сооб-

разительная и владеете своей работой от и до, но выглядите очень молодо.

— Мне девятнадцать, — ответила я, стараясь говорить ровно, хотя внутри всё сжалось.

Глаза Александра округлились — это было очень заметно. Он на мгновение застыл, словно забыл, как дышать, а потом слегка покраснел.

— Что-то не так? — как можно мягче уточнила я, хотя в груди уже закипала знакомая смесь обиды и раздражения. Боже, ну почему он так потрясён моими словами?

— Я... я просто не ожидал, — выпалил он, проводя рукой по волосам. — Даже не представлял, что девушки в вашем возрасте могут занимать управленческую должность и быть такими уверенными в себе и в своих силах.

Теперь в ступор впала я. Не первый раз я сталкивалась с таким скепсисом со стороны коллег и других людей, которые узнавали о моём возрасте и должности. Каждый раз это било по самолюбию, напоминало о тех шёпотах за спиной, о косых взглядах, о недоверчивых улыбках.

— Да... да, — тихо произнесла я, чувствуя, как внутри поднимается волна неприятных воспоминаний. — Я понимаю ваше недоумение, но я достаточно долго шла к этой должности. Поверьте, я получила её не за красивые глаза, а за свой труд.

Голос чуть дрогнул на последних словах — и я тут же

разозлилась на себя за эту слабость. Это была моя больная тема. После повышения многие шептались, строили догадки, искали покровителей, которых у меня никогда не было. Я добивалась всего сама — ночами корпела над отчётами, изучала рынок, предлагала идеи, которые сначала отвергали, а потом внедряли. И каждый такой шаг давался с боем.

— Простите, я бы хотела отойти, поужинать, — добавила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Надеюсь, вы не против?

Мне отчаянно захотелось убежать и отгородиться от этого человека, хотя ещё несколько минут назад мне безумно хотелось продолжить общение с ним, узнать его получше. Но этот вопрос, эта реакция... они снова напомнили мне, что для многих я — просто юная девчонка, случайно оказавшаяся на высокой должности.

Александр мгновенно изменился в лице. В его глазах мелькнуло понимание — кажется, он уловил перемену в моём настроении по одному лишь взгляду.

— Конечно, идите, — мягко сказал он. — И простите, если задел вас. Я не хотел. Просто... это действительно впечатляет. Девятнадцать лет — и такой уровень понимания процессов. Это достойно уважения.

Я замерла на мгновение, не зная, что ответить. Его слова прозвучали искренне — без иронии, без скрытого подтекста. — Спасибо, — тихо сказала я. — Я скоро вернусь. Выйдя из торговой точки, я глубоко вздохнула. Дождь за

окном уже закончился, и сквозь облака пробивались первые лучи закатного солнца. Я направилась к небольшому кафе через дорогу, по пути доставая из сумки кошелёк. Нужно было собраться с мыслями, успокоиться.

Обижаться — не взрослая позиция, но и не могу сказать, что я очень взрослый человек. Мне нужно было побыть одной несколько десятков минут, чтобы перевести дух и прийти в себя после тяжёлого дня. Кофе и мороженое прекрасно справились с этой задачей: горячий напиток согрел и помог собраться с мыслями, а сладкое напомнило о простых радостях жизни. Моё настроение и душевное состояние пришли в норму, но на смену им пришла усталость. Я давно не работала на полноценные смены и привыкла бывать в людных местах не более четырёх часов в день, но, к счастью, до конца рабочего дня осталось меньше часа — и я посвящу его исключительно уборке на торговой точке.

Вернувшись, я первым делом окинула взглядом помещение: витрины требовали полировки, на прилавке остались крошки от утреннего круассана, а возле кассы скопилось небольшая стопка чеков и рекламных буклетов. Глубоко вздохнув, я надела резиновые перчатки, смочила салфетку в моющем средстве и принялась за дело.

Монотонная работа всегда действовала на меня успокаивающе. Движения становились размеренными: протереть стекло, аккуратно расставить товары, сложить документы в папку. В какой-то момент я даже поймала себя на мысли, что

наслаждаюсь этой тишиной и уединением — пусть и недолгим.

— Анна, ты как? Наверное, я сказал лишнее... — раздался за спиной голос Александра.

Я обернулась. Он стоял в дверях, слегка ссутулившись, с виноватым выражением лица. В руках он держал две чашки кофе — судя по аромату, с корицей и ванилью.

Я молча, жестами попросила остановиться, и Александр кивнул мне с улыбкой. Я не чувствовала от него опасности или тревоги, общаясь с ним. Он был простым и спокойным. Таких людей не так часто можно встретить в современных реалиях.

— Всё в порядке, — ответила я, отжимая салфетку. — Просто неприятная тема, не более. Сейчас нужно прибраться и собираться домой — у нас был тяжёлый рабочий день.

— Давай я помогу, — он поставил чашки на стол и закатал рукава рубашки. — Считаю это компенсацией за мой бестактный вопрос.

Не дожидаясь ответа, он взял вторую салфетку и принялся протирать соседнюю витрину. Мы работали молча, но тишина больше не казалась напряжённой — она была уютной, почти семейной.

Следующие полчаса мы приводили в порядок рабочее место, занимались закрытием смены и составлением отчёта. Напряжение, которое возникло при моём возвращении с перерыва, совсем исчезло. Мы смеялись над разными шутка-

ми: то вспоминали особенно настойчивого клиента, который трижды возвращался, чтобы уточнить состав крема, то подтрунивали над тем, как в начале дня я чуть не опрокинула поднос с образцами.

Я чувствовала, будто знаю этого человека очень давно, и он был для меня очень близким человеком. Удивительно, как за один день человек из незнакомца может превратиться в того, рядом с кем легко и спокойно.

Закончив уборку, мы одновременно выпрямились и оглядели результат: торговая точка сияла чистотой, товары были аккуратно расставлены, а на столе лежали готовые к отправке отчёты.

— Вот теперь действительно всё готово, — удовлетворённо произнёс Александр, вытирая руки о салфетку. — И знаешь, я рад, что сегодня оказался здесь. Не только из-за работы.

Я улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается тепло.

— Я тоже, — искренне ответила я. — Спасибо за помощь.

Он подмигнул:

— Всегда пожалуйста. А теперь, может, выпьем тот кофе, пока он не остыл?

Мы сели за маленький столик у окна, взяли чашки и на мгновение замерли, глядя, как последние лучи заката окрашивают город в золотистые тона.

— Ну что, спасибо за рабочий день! Приятно, что вы составили мне компанию, — при выходе на парковку ска-

зал Александр. Он остановился рядом со мной и посмотрел сверху вниз. До этого я и не замечала нашу разницу в росте: я была совсем невысокой, около 160 см, а он — на две головы выше.

Он продолжал смотреть на меня с улыбкой, пока я невольно изучала его черты. Светлые волосы слегка вились на концах, брови подчёркивали выразительность небесно-голубых глаз, а ярко выраженные скулы придавали лицу аристократичную чёткость. Всё это дополнял его стиль — строгий, но не чопорный костюм сидел идеально, подчёркивая подтянутую фигуру. Я застыла и продолжала смотреть на него, словно на произведение искусства, забыв обо всём на свете.

— Ну хватит, ты сейчас протрёшь во мне дыру! — с улыбкой сказал он.

Я рассмеялась и быстро отвела взгляд, чувствуя, как щёки слегка теплеют.

— Ты как? Машина есть? Или нужно подбросить? — спросил Александр.

Я тут же хотела возразить: садиться в машину к незнакомому человеку — а точнее, к своему начальнику, которого знаю всего два дня, — казалось максимально странным. Но не успела я и слова сказать, как он меня перебил:

— О нет! Даже не смей говорить мне, что ты поедешь на такси. Поверь, я не маньяк.

Я хихикнула и прикрыла рот рукой, чтобы он не подумал ничего лишнего.

— Смейся, смейся, — продолжил он с лукавой усмешкой.
— Но если бы я был маньяком, то, вероятнее всего, не стал бы похищать тебя сейчас и здесь, на парковке, где куча камер, а номера моей машины видны со всех сторон — как и мы.

— Да, вы правы, — улыбнулась я. — Ну что ж, раз у меня нет выбора, разрешаю вам оказать мне милость и подвезти меня до дома.

Мы посмеялись и направились к машине.

Александр открыл передо мной дверь своего тёмного седана, и я села на пассажирское сиденье. Салон пах кожей и лёгким цитрусовым ароматом — видимо, у него был освежитель воздуха. Он занял место водителя, бросил на меня короткий взгляд и включил негромкую джазовую композицию.

Дорога прошла без лишних разговоров — думаю, потому что сегодняшний день был чрезмерно насыщенным. Я смотрела в окно, наблюдая, как огни города мелькают за стеклом. Под спокойную музыку я размышляла о том, как же изменилась моя жизнь.

— Тебе сюда? — вывел меня из размышлений голос Александра.

Я очнулась и увидела знакомый двор — мы уже подъехали к моему дому.

— Да, здесь, спасибо, — ответила я, расстёгивая ремень безопасности.

— Было приятно провести с тобой день, — сказал он, по-

ворачиваясь ко мне. — И прости ещё раз за тот вопрос про возраст. Я не хотел тебя задеть.

— Всё в порядке, — я улыбнулась искренне. — Спасибо, что подвезли. И... спасибо за помощь сегодня.

— Всегда рад помочь, — подмигнул он. — Может, как-нибудь сходим выпить кофе? Не по работе, а просто так?

Моё сердце на мгновение замерло.

— С удовольствием, — кивнула я.

— Тогда я напишу тебе завтра? — уточнил он.

— Договорились.

Выходя из машины, я вдохнула свежий вечерний воздух и улыбнулась. Возможно, этот день стал не просто очередным рабочим днём — а началом чего-то нового.

— До связи, Анна, — крикнул Александр, когда я уже шла к подъезду.

— До связи! — обернулась я и помахала рукой.

Дверь подъезда захлопнулась за мной, а в голове всё ещё звучала та джазовая мелодия и его последние слова. В лифте я достала телефон, увидела переписку с Александром и задумчиво улыбнулась. Мир, оказывается, умеет удивлять — даже в самые пасмурные дни.

Глава 3.

Когда я зашла в квартиру, меня ударил отвратительный запах — резкий, едкий, будто что-то плавилось. Это точно была не еда: в ноздри бил характерный аромат жжёного пластика. Я замерла на пороге, инстинктивно прислушиваясь к

тишине квартиры. Всё выглядело обычно, но что-то определённо пошло не так.

Быстро осмотрев помещение в полутьме вечно включённого торшера, я не заметила ничего странного. Щёлкнув выключателем, я залила комнату ярким светом — и тут же увидела подозрительное тёмное пятно на роботе-пылесосе, застывшем на зарядной станции.

— О нет, только не он... — прошептала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от досады.

С детства я терпеть не могла уборку. Поэтому первой покупкой после переезда от родителей стал именно робот-пылесос. А квартиру я выбирала с одним обязательным условием: наличие посудомоечной машины.

Проблема была именно там, где я и предполагала: какая-то деталь пылесоса начала плавиться. Страшно представить, что случилось бы, задержись я где-нибудь на пару часов дольше. Возможно, оставшиеся дни до переезда мне пришлось бы провести у друзей или в отеле.

Выдернув зарядную станцию из розетки, я схватила телефон и набрала номер отца. С родителями я общалась редко, но метко — как любила повторять мама. Папа — человек закрытый, немногословный, но всегда готовый помочь мне в бытовых вопросах. Длинные гудки тянулись мучительно долго, а я нервно поглядывала на пылесос, будто он мог вот-вот вспыхнуть.

«Звонок отклонён», — высветилось на экране.

— Чёрт побери! — выругалась я и принялась лихорадочно искать номера друзей.

Один за другим звонки оставались без ответа, сменяясь безликими голосами автоответчиков. Последними в списке значились Александр и мой бывший жених, но я тут же отбросила эту мысль. Времени на раздумья не было — нужно действовать.

Собрав волю в кулак, я вооружилась перчатками и инструментами, чудом обнаруженными в кладовке. С помощью видео из интернета и подсказок нейросети мне удалось аккуратно разобрать пылесос, локализовать проблему и предотвратить возможный пожар. Расплавленную деталь я аккуратно извлекла и положила в металлическую миску — на всякий случай.

— Ну надо же, Анна! Сегодня ты настоящий герой! — вслух похвалила я себя, вытирая со лба выступившую испарину.

После всех «технических приключений» я добрела до дивана и включила телевизор. Только сейчас я осознала, как гудят ноги после целого дня беготни и решения административных задач. Из дел на сегодня остались только ужин и ванна — и я была безмерно этому рада.

Открыв холодильник, я собрала продукты для салата и быстро нарезала овощи. Поужинав под фоновый шум сериала, я составила список дел на завтра, проверила график смен девочек, записала в ежедневник поход в спортзал. Пора бы-

ло сбрасывать те килограммы, что незаметно набрались за последние месяцы. С чувством выполненного долга я погрузилась в сон.

Проснувшись я от настойчивого звонка в дверь. Сонно взглянув на часы, я поняла, что никуда не опаздываю — было всего семь утра.

— Господи, кого принесло в такую рань?! — пробормотала я, вставая с кровати и нащупывая халат. Предстать перед гостем в топики и трусах с бабочками точно не входило в мои планы. Звонок продолжал настойчиво трезвонить.

— Иду, иду, боже мой... — проворчала я, подходя к двери. Посмотрев в глазок, я увидела отца и поспешила открыть.

— Пап, что ты тут делаешь? — удивлённо спросила я.

— Во-первых, привет, доча. Давно не виделись, — он шагнул в квартиру и привычно направился к чайнику. — Ты звонила вчера поздно вечером, я решил заехать с утра — всё в порядке или помощь нужна?

— Нет, уже всё хорошо, спасибо за беспокойство. Чай или кофе? — спросила я, роясь в шкафу в поисках чего-нибудь к столу. Вместо печенья нашёлся только мармелад.

Мы просидели на кухне до восьми утра, болтая о пустяках и вспоминая старые истории. Когда папа ушёл, по всей квартире зазвенел будильник — напоминание о начале рабочего дня.

Не выспавшаяся, но уже сытая и согретая тёплым разговором, я поплелась в ванную. В предвкушении горячей ван-

ны с пеной я мысленно планировала день: немного сериала, рабочие задачи, спортзал — идеальный расклад для удалённой работы.

Выйдя из ванны, я принялась выбирать сериал и остановилась на том, что давно хотела посмотреть. Обнаружив, что кухня практически пуста, заказала еду с доставкой. Но мой заказ прервал неожиданный звонок.

— Да, слушаю, — ответила я привычно деловым тоном: по рабочим вопросам могли звонить в любое время.

— Анна, это Александр, — его голос вызвал во мне неожиданную волну тепла. — Мы сегодня планировали встретиться — всё ещё в силе?

— Да, я помню. Не против, но хотелось бы до встречи успеть сделать несколько личных дел. Нужно ли что-то подготовить заранее? — как всегда, я стремилась предусмотреть всё, чтобы не попасть впросак.

— О нет, ничего такого. Со своего приезда я ни разу не отдыхал, а тем более в хорошей компании. Поэтому я хочу просто провести время с тобой. Мне здесь нравится, и я бы хотел завести друзей. Если ты не против, было бы здорово стать не только коллегами, но и друзьями. Как ты на это смотришь?

Его слова прозвучали так искренне, что я на мгновение растерялась. Давно я не встречала мужчину, который говорил бы настолько открыто. Или мне только казалось? В этом предстояло разобраться.

— Я не против, — выдохнула я, сама удивляясь лёгкости своего ответа.

Мы договорились о времени встречи, и я вернулась к своим делам.

Позже в спортзале я с облегчением увидела на весах знакомые цифры — за месяц без тренировок я не набрала ни грамма. Это подарило мне дополнительную уверенность в себе и хорошее настроение.

После спортзала я вернулась домой, чтобы привести себя в порядок. В голове то и дело всплывали слова Александра: «Было бы здорово стать не только коллегами, но и друзьями». Что-то в этой фразе заставляло сердце биться чуть быстрее, а в груди разливалось непривычное, почти забытое тепло.

Я долго стояла перед шкафом, перебирая варианты. Строгий брючный костюм? Слишком официально. Лёгкое платье? Чересчур открыто. В итоге остановилась на удобных джинсах и светлом свитере — ничего вызывающего, но и не слишком формально. Собрала волосы в небрежный хвост, нанесла лёгкий макияж: тушь, чуть румян, прозрачный блеск. Взглянула на часы — до встречи оставалось полтора часа.

Чтобы скоротать время, я включила любимый плейлист и принялась наводить порядок. Убрала оставшиеся после вчерашнего ремонта инструменты, протёрла пыль, расставила книги на полке по алфавиту — привычка со школьных вре-

мён. Потом решила приготовить небольшой сюрприз: заварила свой фирменный травяной чай с мятой и лимоном, достала шоколадные конфеты, которые берегла для особого случая.

Ровно в назначенное время раздался звонок. Я замерла на секунду, глубоко вздохнула и пошла открывать.

Александр стоял на пороге с букетом белых лилий и фирменной улыбкой.

— Привет, Анна. Надеюсь, не опоздал?

— Нет, всё отлично, — улыбнулась я, принимая цветы.
— Заходи.

Он огляделся, одобрительно кивнул:

— У тебя очень уютно. И пахнет чем-то вкусным.

— Это чай. Подумала, можно начать с небольшой паузы перед прогулкой.

На кухне я разлила чай, предложила конфеты. Александр взял одну, внимательно рассмотрел:

— «Ассорти» от местной фабрики? Ты знаешь толк в сладостях.

— Да, мои любимые, — рассмеялась я. — Мама всегда покупала их к праздникам.

За чаем разговор пошёл легко и непринуждённо. Мы обсудили последние новости на работе, посмеялись над забавным случаем с новым стажёром, который перепутал ароматы и отправил клиенту не тот заказ. Александр оказался отличным собеседником — умел слушать, вовремя шутить и

задавать интересные вопросы.

Когда чашки опустели, мы отправились гулять. Погода стояла чудесная: солнце пригревало, но не пекло, лёгкий ветерок доносил ароматы цветущих деревьев. Мы шли по набережной мимо кафе с открытыми террасами и говорили обо всём на свете.

— Знаешь, — сказал Александр, когда мы остановились у перил, глядя на реку, — я долго думал, стоит ли предлагать дружбу коллеге. Но потом понял: если не попробовать, никогда не узнаешь, что может получиться.

— Я тоже раньше боялась смешивать работу и личную жизнь, — призналась я. — Думала, что это повлияет на профессионализм, создаст неловкость. Но поняла: иногда исключения только подтверждают правило.

Он рассмеялся:

— Мудрое замечание. А расскажи, как ты вообще попала в нашу компанию? Помню, ты упоминала, что начинала с другой должности.

И я рассказала — о первых шагах в карьере, о том, как случайно попала на стажировку, когда училась в колледже на строительную специальность, об ошибках и маленьких победах. Александр слушал внимательно, задавал уточняющие вопросы, иногда вставлял забавные комментарии, от которых я не могла сдержать смех.

По пути мы наткнулись на блошинный рынок. Александр вдруг остановился:

— О, смотри! Старинные фотоаппараты!

Он подошёл ближе, бережно перебирая старые модели.

— Ты увлекаешься фотографией? — удивилась я.

— Не профессионально, — улыбнулся он. — Но люблю ловить моменты. Вот этот, например, — он указал на чёрный фотоаппарат с кожаным корпусом, — модель шестидесятых годов. Представляешь, сколько кадров он сделал за свою жизнь?

Мы побродили по рынку, рассматривая винтажные украшения, старые пластинки, книги. Александр купил открытку с видом старого города — «для коллекции», как пояснил.

Потом зашли в небольшое кафе с видом на парк. За чаепитием разговор перешёл на другие темы: любимые книги, путешествия, странные привычки. Оказалось, мы оба обожаем детективы и ненавидим ранние подъёмы по выходным.

— А ещё я коллекционирую винтажные открытки, — неожиданно признался Александр. — У меня уже больше двухсот штук со всего мира.

— Правда? Это так необычно! Откуда началась коллекция?

— Первая пришла от бабушки из Парижа, когда мне было десять. Он написал: «Мир огромен, и каждая точка на карте — это чья-то история». С тех пор я решил собирать эти маленькие кусочки чужих историй.

Его рассказ тронул меня до глубины души. В этот момент я вдруг осознала, что давно не чувствовала себя так легко и

свободно ни с кем.

На выходе из кафе мы увидели группу уличных музыкантов, игравших джазовую композицию. Александр неожиданно предложил:

— Давай потанцуем?

— Здесь? Сейчас? — я растерялась.

— Почему бы и нет? Никто нас не знает, музыка отличная, а вечер только начинается.

Он протянул руку, и я, не раздумывая, вложила в неё свою ладонь. Мы закружились в импровизированном танце прямо на тротуаре, смеясь и ловя удивлённые взгляды прохожих.

Когда музыка стихла, мы ещё долго стояли, держась за руки и улыбаясь друг другу. В воздухе повисло что-то невысказанное, тёплое и очень обещающее.

— Спасибо за этот день, — тихо сказала я.

— Это только начало, — ответил Александр, и в его глазах я прочитала искреннее обещание.

Глава 4.

Утро выдалось на редкость гадким. Даже будильник звучал как-то особенно издевательски — резко, настойчиво, словно знал, что сегодня вставать совершенно не хочется. Я протянула руку, нащупала телефон и выключила звук. Ещё пять минут. Хотя бы пять минут побыть в этом коконе из одеяла, где никто не требует улыбок, продуктивности и профессионализма.

Но обязательства никуда не делись. Стажировка нового

сотрудника, совещание в главном офисе, куча рабочих моментов, которые не решатся сами собой. В очередной раз приходится вставать и идти поперёк своего эмоционального состояния.

С трудом заставляю себя подняться. Ноги словно налиты свинцом, а голова гудит от недосыпа. Душ, привычные утренние ритуалы — всё механически, без удовольствия. Вода стекает по плечам, но не смывает усталость. Я стою под горячими струями, закрыв глаза, и пытаюсь собрать себя по кусочкам.

В зеркале отражается усталое лицо: тени под глазами, напряжённая линия губ, взгляд какой-то потухший. Пытаюсь замаскировать всё это консилером и тушью, но результат получается так себе. «Сойдёт», — решаю я, хотя прекрасно понимаю, что коллеги сразу заметят моё состояние.

В спешке хватаю сумку, проверяю содержимое на автомате: кошелёк, ключи, телефон, документы. Всё на месте. Выбегаю из дома, почти забыв позавтракать — впрочем, аппетита всё равно нет.

Дорога до торгового центра кажется бесконечной. В метро толкаются люди, кто-то громко разговаривает по телефону, раздражённо жестикулируя, кто-то читает новости с каменным лицом. Пахнет кофе из киоска на станции, смешанным с запахом пота и дешёвых духов. Обычный городской шум, но сегодня он раздражает особенно сильно — каждый звук будто царапает по нервам.

На работе сразу окунаюсь в дела: стажировка нового сотрудника требует внимания и сосредоточенности. Молодой парень, Дмитрий, приехал из другого города, полон энтузиазма и готов впитывать информацию как губка. Я объясняю правила работы с клиентами, показываю систему учёта, отвечаю на бесконечные вопросы. Стараюсь быть терпеливой и доброжелательной — в конце концов, все мы когда-то были новичками

— А если клиент начинает скандалить? — спрашивает Дмитрий, записывая что-то в блокнот.

— Главное — сохранять спокойствие, — объясняю я, вспоминая собственные первые месяцы работы. — Выслушать, не перебивая. Показать, что ты понимаешь его недовольство. И предложить конкретное решение. Обычно это работает.

Телефон вибрирует в кармане — один раз, второй, третий. Очередные сообщения. Я бросаю взгляд на экран, не доставая телефон полностью. Александр. Опять. Я принципиально не открываю сообщения — у нас рабочие отношения, и я хочу, чтобы так оставалось и дальше. Но внутри всё равно что-то ёкает: с одной стороны, приятно внимание, с другой — стыдно, будто я его каким-то образом обманываю, хотя ничего не обещала. Чувство вины цепляется за меня, как липкая паутина.

— Анна, вы меня слушаете? — голос Дмитрия возвращает меня в реальность.

— Прости, задумалась, — извиняюсь я. — Давай ещё раз пройдем по возвратам товара.

Вдруг слышу знакомый голос за спиной:

— Анна, доброе утро!

Резко оборачиваюсь, чуть не уронив папку с документами. Александр стоит в дверях, улыбается той своей фирменной улыбкой — тёплой, искренней — и держит два стаканчика кофе. На нём тёмно-синяя рубашка, волосы слегка расчёпаны, словно он тоже спешил.

— Я подумал, тебе пригодится заряд бодрости, — говорит он, протягивая один из стаканчиков. — Вижу, день не задался с самого утра.

Его забота трогает, но я чувствую себя неловко. Дмитрий с любопытством наблюдает за нами, явно пытаюсь понять, какие у нас отношения.

— Спасибо, но не стоило... — начинаю я, не зная, куда деть руки. — Ты же в главном офисе работаешь, зачем специально ехать...

— Стоило, — мягко перебивает он, и в его голосе столько уверенности, что спорить бессмысленно. — Кофе — это универсальный антидепрессант. И потом, я же вижу: ты сегодня какая-то... не такая. Что-то случилось?

Я вздыхаю, нерешительно беру стаканчик. Тепло обжигает пальцы — приятно, по-домашнему уютно.

— Ничего такого, что стоило бы твоего внимания, — отвожу взгляд. — Просто... устала. Не выспалась.

— Эй, — он слегка наклоняет голову, стараясь поймать мой взгляд. — Если я предлагаю помощь, значит, она мне не в тягость. И я правда хочу помочь. Хоть советом, хоть просто выслушать. Ты же знаешь.

Его искренность обезоруживает. Я чувствую, как комок в горле начинает таять.

— Спасибо, — тихо говорю я, наконец поднимая глаза. — Это много значит. Правда.

— Всегда пожалуйста, — улыбается он, и на секунду мне кажется, что в его глазах мелькает что-то большее, чем просто дружеская забота. — А теперь давай займёмся стажировкой. У нас тут будущий гений продаж ждёт инструкций!

Дмитрий смущённо улыбается, и мы возвращаемся к работе. Александр подключается, дополняет мои объяснения своими наблюдениями, приводит примеры из практики. Работать с ним легко — он умеет объяснять сложные вещи простым языком, и я ловлю себя на мысли, что моё настроение действительно улучшается.

Когда стажировка подходит к концу, Александр предлагает:

— Анна, давай я тебя подвезу в главный офис? Всё равно мне туда, а погода совсем испортилась. Ты же знаешь, какие пробки бывают в дождь.

Я выглядываю в окно — действительно, небо затянуто серыми тучами, по стеклу стекают первые капли. Колеблюсь. С одной стороны, удобно. С другой — что подумают колле-

ги, если увидят нас вместе ещё раз?

— Не знаю... — начинаю я.

— Ну же, — улыбается он. — Это просто подвезти коллегу. Ничего криминального. Или ты боишься, что я буду всю дорогу петь караоке?

Я невольно смеюсь:

— Ты правда так делаешь?

— Только по четвергам, — подмигивает он. — Сегодня среда, так что ты в безопасности.

Соглашаюсь — погода окончательно испортилась, а ехать на метро в час пик, промокшей и замёрзшей, совершенно нет сил.

По дороге Александр старается меня подбодрить. Машина у него аккуратная, пахнет кожей и лёгким мужским парфюмом. На заднем сиденье брошена спортивная сумка, на панели — фотография моря на закате.

— Знаешь, что я всегда делаю, когда день идёт не так? — спрашивает он, аккуратно вписываясь в поворот и включая дворники.

— Что? — я невольно улыбаюсь, хотя ещё минуту назад казалось, что улыбаться не получится.

— Представляю, что всё происходящее — это кадр из фильма. И я — главный герой, который вот-вот преодолеет все препятствия. Иногда даже добавляю эпичную музыку в голову. — Он замолкает, явно представляя себе этот саундтрек. — Попробуй!

Я смеюсь — по-настоящему, искренне:

— И что, помогает?

— Ещё как! — он подмигивает, не отрывая взгляд от дороги. — Вот сейчас, например, мы едем в офис, за окном дождь, город погружается в серость, а у нас с тобой — миссия: провести совещание так, чтобы все ахнули. Представляешь? Мы — команда спецagentов. Звучит уже лучше, правда?

— Правда, — киваю я, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает, словно кто-то развязывает тугие узлы внутри. — Спасибо, что так... поддерживаешь. Не каждый...

— Да не за что, — пожимает плечами Александр, и тон его становится серьёзнее. — Ты отличный специалист и замечательный человек. И если кто-то этого не ценит — его проблема, а не твоя. Запомни это.

Я смотрю на него — на профиль, освещённый серым дневным светом, на руки, уверенно лежащие на руле, на лёгкую улыбку в уголках губ. И понимаю, что он действительно так думает. Это не пустые слова вежливости.

— Александр... — начинаю я, но он перебивает:

— Саша. Можно просто Саша. Мы ведь уже не первый день работаем вместе.

— Саша, — повторяю я, и имя звучит неожиданно тепло. — Почему ты всё это делаешь? Кофе, подвозишь, поддерживаешь... У тебя же своих дел полно.

Он молчит несколько секунд, сосредоточенно глядя на до-

рогу. Потом тихо отвечает:

— Потому что вижу в тебе человека, который заслуживает большего, чем получает. И потому что... мне не всё равно. Вот и всё.

Его слова повисают в воздухе. Я не знаю, что ответить. Сердце бьётся чаще, и я понимаю, что мне нужно быть честной — хотя бы с собой.

Когда мы зашли в офис, моя недолгая уверенность куда-то делась. Едва переступив порог, я ловлю на себе взгляды. В офисе нас встречают смешки и перешёптывания. Марина из бухгалтерии многозначительно хмыкает, Олег подмигивает Александру, а Света из отдела продаж нарочито громко говорит подруге:

— О, Анна и Александр вернулись вместе! Ну, теперь всё ясно. Романтика прямо в рабочее время!

Щёки снова горят, на этот раз от неловкости и стыда. Я стараюсь делать вид, что не слышу, смотрю в пол, сжимаю сумку так, что белеют костяшки пальцев. Хочется провалиться сквозь землю, стать невидимой.

Но Александр не выдерживает. Он останавливается посреди коридора, поворачивается к коллегам и говорит твёрдо, но без агрессии:

— Ребята, давайте без этих шуток. — Голос спокойный, но в нём чувствуется сталь. — Мы коллеги, и сегодня помогли новому сотруднику. Я подвёз Анну, потому что на улице льёт как из ведра, а не потому, что вы там себе надумали.

Ничего больше. И, кстати, Анна — потрясающий наставник. Вам бы поучиться у неё терпению и профессионализму!

Коллеги затихают. Кто-то краснеет и отводит взгляд, кто-то неловко кашляет, Света делает вид, что вдруг срочно нужно проверить телефон. Повисает неловкая тишина.

Я бросаю на Александра благодарный взгляд, стараясь сдержать подступающие слёзы облегчения.

— Спасибо, — шепчу, когда мы остаёмся вдвоём в коридоре, отойдя подальше от любопытных глаз. — Не знаю, что бы я без тебя делала...

— Не за что, — он улыбается, и в улыбке этой столько тепла. — Просто не люблю, когда из ничего раздувают истории. Ты заслуживаешь уважения, Анна. И знаешь что? После совещания предлагаю зайти в нашу кофейню и взять тот кокосовый латте, который ты так любишь. За счёт фирмы, так сказать — компенсация за моральный ущерб от этих шутиков.

Я не могу сдержать улыбку:

— Ты всегда знаешь, что сказать, да? И когда вообще успел запомнить, что я люблю кокосовый латте?

— Стараюсь, — подмигивает он. — Главное — помни: ты не одна. И если что — я рядом. Всегда.

Его слова звучат искренне, и на мгновение мне становится легче, будто тяжёлый груз с плеч чуть-чуть приподнялся. Глубоко вздыхаю, стараясь успокоить сердцебиение. Мир вокруг будто замирает на секунду. Что ответить? Что чув-

ствовать? Я не знаю. Но одно ясно точно: пора разобраться в своих эмоциях, прежде чем делать следующий шаг.

Совещание проходит в напряжённой, но продуктивной атмосфере. Обсуждаем новые стратегии продаж, планы на квартал, проблемные моменты. Я стараюсь сосредоточиться, делаю записи, высказываю своё мнение, когда меня спрашивают. Александр сидит напротив, иногда наши взгляды встречаются, и он едва заметно кивает — мол, всё идёт хорошо, ты молодец.

После совещания Александр, как и обещал, ведёт меня в нашу любимую кофейню. Это небольшое уютное место в двух кварталах от офиса — с деревянными столиками, мягким светом, полками с книгами и постоянным ароматом свежей выпечки. Мы садимся у окна — за тем самым столиком, откуда виден парк. За окном уже темнеет, фонари зажигаются один за другим, а в кафе тепло, пахнет корицей и свежемолотым кофе. Играет тихая джазовая музыка.

— Кокосовый латте, как заказывали, — улыбается Александр, ставя передо мной чашку с красивым узором из молочной пенки. — И круассан с шоколадом — для полного восстановления душевного равновесия.

Я не могу сдержать улыбку:

— Ты что, читаешь мои мысли? Это же мой любимый круассан!

— Просто запоминаю, что нравится людям, которых ценю, — пожимает плечами он, но я вижу лёгкий румянец на

его щеках. — Так что, лучше стало?

Я делаю глоток — кофе действительно волшебный, сладкий, с лёгкой горчинкой, с этим неповторимым кокосовым ароматом. Напряжение, копившееся весь день, понемногу отпускает, растворяется в тепле и уюте.

— Намного, — признаю я, откусывая кусочек круассана. — Спасибо, что вытащил меня сюда. И за поддержку сегодня — тоже спасибо. Без тебя я бы, наверное, просто сбежала с работы и спряталась дома под одеялом.

— Ну уж нет, — шутливо возмущается Александр. — Мы же команда. А в команде принято вытаскивать друг друга из ям, в которые кто-то случайно свалился. Особенно если эти ямы вырыты кем-то другим. — Он делает паузу, серьёзная. — И знаешь, я считаю, что руководство должно быть чем-то большим, чем строчка в трудовой книжке. Это ответственность за людей. За то, чтобы им было комфортно работать.

Мы смеёмся, и на мгновение всё кажется почти нормальным. Я чувствую, как тело расслабляется, плечи опускаются, дыхание выравнивается.

— Знаешь, — осторожно начинаю я, вертя в руках чашку, — иногда мне кажется, что я совсем запуталась. В работе, в людях, в себе самой... Вот вчера была одна ситуация... — Я замолкаю, не зная, стоит ли продолжать.

Александр слушает внимательно, не перебивает, даже не отводит взгляд. Когда я замолкаю, он задумчиво помешивает кофе ложечкой, потом тихо говорит:

— Хочешь совет?

— Да, — киваю я.

— Доверяй своим чувствам. Не тому, что говорят другие, не тому, что «правильно» или «удобно». А тому, что чувствуешь ты. Сердце редко ошибается, если его правда слушать.

Его слова проникают глубоко внутрь. Я смотрю на него — на серьёзное лицо, на искреннюю заботу в глазах — и вдруг понимаю, что он говорит не только о работе.

Потом он резко двигается и аккуратно обнимает меня — не напористо, не навязчиво, а бережно, будто что-то хрупкое и ценное. Я замираю на секунду, потом позволяю себе расслабиться в его объятиях. Пахнет его парфюмом — свежим, древесным — и ещё кофе, и теплом. На мгновение мир сужается до этого маленького пространства, где тепло и безопасно.

— Спасибо, — шепчу я в его плечо. — Просто... спасибо, что ты это сделал. Мне правда нужно было это.

— Всегда пожалуйста, — отстраняясь, улыбается он, и в глазах мелькает что-то нежное. — И помни: ты заслуживаешь уважения. И хорошего кофе. И круассанов. И всего остального, что делает жизнь приятнее. И человека рядом, который будет ценить тебя такой, какая ты есть.

Мы ещё долго сидим в кофейне, разговариваем — уже ни о чём серьёзном, а просто о фильмах, которые недавно посмотрели, о книгах, которые хотим прочитать, о планах на

лето. Александр рассказывает о своей мечте поехать в Исландию, я — о желании научиться рисовать акварелью. Мы смеёмся над глупыми шутками, спорим о том, какой сериал лучше, делимся воспоминаниями из детства.

И впервые за долгое время я чувствую себя... нормальной. Как будто мир не рушится, а просто идёт своим чередом. Как будто я не одинока в этом огромном городе, где легко потеряться и раствориться. Рядом человек, который видит меня — настоящую, уставшую, запутавшуюся, — и всё равно остаётся рядом.

Когда мы выходим из кофейни, дождь уже закончился. Воздух свежий, пахнет мокрым асфальтом и весной. Фонари отражаются в лужах, создавая причудливые узоры света.

— Проводить до метро? — предлагает Александр.

— Да, — киваю я. — Буду рада компании.

Мы идём медленно, не спеша, изредка обмениваясь фразами. И в этой тишине, в этом спокойном молчании — больше близости, чем в тысячах слов.

У входа в метро он останавливается:

— Анна... Я хотел сказать... — начинает он, но замолкает, не находя слов.

— Я знаю, — тихо говорю я. — И спасибо. За всё.

Он улыбается, слегка сжимает мою руку и отпускает:

— Увидимся завтра?

— Увидимся, — обещаю я.

Спускаюсь в метро, я оглядываюсь. Он всё ещё стоит там,

у входа, провожая меня взглядом. Машу рукой, и он машет в ответ.

В вагоне метро, глядя на своё отражение в тёмном окне, я понимаю: что-то изменилось. Может быть, не во внешнем мире, но внутри — точно. Появилась надежда, что не всё так безнадежно. Что есть люди, которые готовы поддержать просто так, без скрытых мотивов.

И, может быть, пора позволить себе довериться этому чувству.

Глава 5.

Месяц спустя

Утро прошло тихо. Ни будильника, ни тревожных мыслей. Я проснулась сама — раньше обычного, когда за окном только начинал сереть рассвет. Свет был неяркий, серебристо-серый, словно мир ещё не решил, стоит ли ему просыпаться. Где-то вдалеке прокричала ворона — резко, по-осеннему. Я лежала в кровати, ощущая странное спокойствие — настоящее, глубокое, как дно озера, которое не тревожат волны.

И впервые за долгое время мне не хотелось спрятаться под одеялом. Не хотелось притвориться, что ничего не случилось. Я просто лежала, слушая собственное дыхание — ровное, медленное, живое — и думала. О том, что было. О том, кем я стала. О том, кем могла бы быть, если бы не боялась.

Где-то внутри, в районе солнечного сплетения, зародилось странное ощущение — будто что-то сдвинулось с мёртвой точки. Как первая трещина на льду весной. Едва заметная, но необратимая.

И вдруг я поняла: я больше не хочу убегать и прятаться. Не от прошлого, не от настоящего, не от себя.

— Хватит, — сказала я вслух, поднимаясь с тёплой кровати. Голос прозвучал хрипло — непривычно после долгого молчания. — Хватит быть той, кого можно сломать. Кто довольствуется тем, что есть, а не работает для того, чтобы иметь большее.

Ноги коснулись холодного пола. Я вздрогнула, но не отступила. Прошла в ванную, включила свет — яркий, беспощадный — и посмотрела на себя в зеркало.

Отражение смотрело в ответ: бледное лицо, тёмные круги под глазами, растрёпанные волосы. Но в глазах — что-то новое. Не надежда. Решимость.

Я поспешила в душ с полной уверенностью, что смогу полностью изменить свою жизнь. Вода была почти обжигающей — я специально сделала горячее, чтобы почувствовать себя по-настоящему. Она стекала по плечам, по спине, смывая не только сон, но и остатки вчерашней неуверенности, липкий налёт безразличия к себе. Я закрыла глаза и представила, как всё ненужное утекает в слив: страх, стыд, привычка молчать.

Когда вышла, зеркало запотело. Я провела рукой по стек-

лу, оставляя влажный след, и снова посмотрела на себя — уставшую, но живую. В глазах впервые за долгое время мелькнуло что-то настоящее. Я узнала эту девушку. Ту, что когда-то верила в себя.

После утренних ритуалов я поспешила в гардеробную. Остановилась на пороге, глядя на переполненные полки, на вещи, сложенные аккуратными стопками, на плечики, на которых висели платья и блузки — чужие, словно не моя жизнь.

Я распахнула дверь шире, вошла внутрь и начала выбрасывать. Безжалостно. Вывалила всё содержимое на пол — свитера, джинсы, платья, шарфы. Целый ворох ткани и воспоминаний. Я расставалась с теми вещами, что приносили невыносимые воспоминания — без капли жалости.

Но не всё было так просто.

Каждая вещь оказалась капсулой времени. И, касаясь их, я возвращалась в прошлое. Не как наблюдатель. Как участница. Снова чувствовала боль, стыд, надежду, любовь, разочарование — всё одновременно, как наложенные друг на друга слайды.

Первой в руки попала старая джинсовая куртка — потрёпанная, с потускневшими пуговицами и выцветшими плечами. Я замерла, сжимая грубую ткань в пальцах.

Это была та самая куртка, в которой я уехала от родителей.

Мне было семнадцать. Я сбежала из дома после ссоры с

отцом — он сказал, что мечтать о карьере в продажах «несерьёзно», что «девочкам нужно думать о семье, а не о глупостях». Я собрала рюкзак, надела эту куртку и села в автобус.

Она была моим щитом. В ней я чувствовала себя сильной. В ней я впервые почувствовала свободу — страшную, холодную, но настоящую.

Я помню, как стояла на остановке, дрожа от холода и адреналина, и смотрела, как автобус уезжает, оставляя позади всё знакомое. Просто смотрела в окно, пока дом исчезал за поворотом. Я думала: «Теперь я начну новую жизнь». И поверила.

Но сейчас эта куртка казалась слишком маленькой. Не по размеру — по смыслу. Я не могла в неё влезть. Ни физически, ни душевно. Девочка, которая её носила, исчезла. Осталась только память.

— Прощай, — прошептала я, складывая куртку в коробку для мусорки. Ткань пахла затхлостью и старыми надеждами. — Спасибо, что была со мной тогда. Ты дала мне смелость уйти. А я дам тебе покой.

Дальше — чёрное платье с бретельками. Шёлковое, с лёгким блеском. Я помнила каждую деталь: вечеринка в галерее, шампанское в высоких бокалах, приглушённый свет, смех, восторженные взгляды. Я стояла у стены с бокалом в руке и чувствовала: это мой момент. Я — сделала это. Я — начала строить карьеру. Меня заметили.

А потом он подошёл.

Максим. Высокий, с лёгкой улыбкой, с книгой под мышкой — «Бизнес и время» Барта. Мы говорили час. Он цитировал Маркса, шутил про тренды, смотрел так, будто я — единственная в комнате. Мы стали общаться и дружить. Он был моим наставником, но через три месяца он сказал: «Ты талантлива, но тебе не хватает дисциплины. Ты слишком эмоциональна для бизнеса». Через полгода — начал критиковать каждый мой шаг: как я говорю с клиентами, как одеваюсь, как смеюсь.

Я сжала платье в руках так сильно, что побелели костяшки пальцев. Оно пахло пылью и старыми сожалениями.

— Я не была недостаточно хороша, — сказала я вслух, и голос дрогнул. — Я была слишком хороша для того, чтобы кто-то мог это вынести. Я была слишком настоящей для его мира.

Бросила платье в мешок для утиля. Не складывая. Просто скомкала и швырнула. Пусть горит.

Потом наткнулась на коробку с обувью. Там — пара туфель на шпильке, красные, с царапиной на правом каблуке. Я вспомнила: день, когда уволилась с первой работы.

Я шла по мокрому асфальту, держа в руках папку с документами — заявление об уходе, — и слышала треск. Каблук сломался. Я остановилась посреди улицы, сняла туфлю, посмотрела на неё и засмеялась. Сначала тихо, потом — громко, истерично. Прохожие оборачивались. А я сняла вторую туфлю и пошла босиком. По холодному, мокрому асфальту.

Босая, в деловом костюме, с папкой в руках.

Впервые за несколько месяцев — свободная.

Эти туфли были символом моей последней попытки быть «взрослой», «серьёзной», «успешной» по чужим меркам. Я работала в PR-агентстве, писала пресс-релизы, улыбалась на совещаниях, скрывала, что ненавижу каждый день, каждый час, каждую минуту. А потом просто сказала: «Нет».

Я вытерла пыль с туфель, поцеловала поцарапанный каблук и положила их в коробку «на память». Не для ношения. Для того, чтобы помнить: иногда уход — это не поражение, а акт мужества. Самый сложный.

А потом я нашла сумку. Старую, кожаную, с потёртой ручкой и заклёпками по краям. Я носила её в колледже. В ней лежала камера, блокнот, бутылка воды и кусок шоколадки на случай приступа тоски. В ней — вся моя юность.

Я открыла её. Запах старой кожи ударил в нос — тёплый, знакомый, как объятие. Внутри — пожелтевший билет на выставку Дианы Арбус, фотография нас с Идди на крыше — мы смеёмся, обнявшись, волосы развеваются на ветру, — и сложенный листок с цитатой Рене Магритта: «Каждый раз, когда вы смотрите на что-то, вы видите не это, а своё восприятие».

Я села на пол и заплакала. Не горько. С облегчением. Как будто нашла себя — ту, что потерялась много лет назад.

— Я не потеряла тебя, — прошептала я сквозь слёзы, прижимая сумку к груди. — Я просто забыла, где искать.

Я оставила сумку. Аккуратно повесила на крючок у двери. Она не уйдёт. Она будет со мной. Как напоминание: ты была. И ты есть. Просто в другой форме.

А потом я нашла альбом. Старый, с кожаной обложкой, потёртый по углам. Я забыла, что он у меня есть. В нём — мои первые снимки. Улицы, лица, закаты. Идди в шляпе, высунувшая язык. Мама у окна — задумчивая, красивая. Отец в саду — в рабочих перчатках, с лопатой, улыбающийся. До боли знакомый. До сих пор любимый.

Я листала страницы и чувствовала, как сердце сжимается и расширяется одновременно. На снимках — мир, преломлённый, как в призме. Красивый. Настоящий. Несовершенный.

Я улыбнулась сквозь слёзы.

Когда пол был завален тряпками, а шкаф опустел, я почувствовала странную лёгкость. Как будто освободила не только пространство, но и душу. Воздух стал другим — чище, просторнее. Я стояла посреди комнаты босая, в простом халате, волосы растрёпаны, глаза красные — и вдруг засмеялась. Сначала тихо, потом — громко, с облегчением, почти с ликованием.

Я сделала первый шаг. И он был настоящим.

— Анечка, ты жива? — раздался голос Идди в дверях.

Она стояла на пороге с кофейным стаканчиком в руке, в джинсах и oversized-свитере, волосы собраны в небрежный

пучок, глаза смеющиеся.

— Я постучала, но ты, видимо, была в трансе, — она оглядела разгром. — Ты что, устроила революцию?

— Устроила, — улыбнулась я, вытирая слёзы смеха тыльной стороной ладони. — Я решила начать с чистого листа.

Идди вошла, сняла куртку, бросила её на стул и присела на корточки рядом с кучей вещей.

— Ну, раз уж началось, — сказала она, поднимая на меня взгляд, — то начинать надо с размахом. Сегодня — шопинг. Без обсуждений.

Мы вышли из дома под лёгкий дождик. Капли были мелкие, почти невесомые, они оседали на лице, на волосах, на ресницах. Воздух был свежим, с запахом мокрого асфальта и опавших листьев. Город казался мягким, приглушённым, как будто сам понимал: сегодня день перемен.

Первым делом заехали в маленький бутик на окраине центра — там продавали винтажные вещи ручной работы. Пахло лавандой и старым деревом. Идди сразу вцепилась в бежевое пальто с широкими лацканами и поясом.

— Это оно, — сказала она, держа его передо мной. — Ты будешь в нём выглядеть как женщина, которая знает, чего хочет.

— Я и есть такая, — ответила я. И это прозвучало не как попытка убедить её, а как констатация факта.

Мы примеряли, смеялись, спорили. Я купила тёмно-синее платье с высоким воротом — строгое, но с игривым разрезом

сбоку. Потом — ботинки на устойчивом каблуке.

— Ты должна идти уверенно, — сказала Идди, — а не балансировать, как на экваторе.

Но самое важное происходило не в примерочных, а между строк. Мы говорили. По-настоящему.

— Ты помнишь, как мы в колледже сидели на крыше и мечтали? — спросила она, пока я примеряла пиджак. — Ты хотела стать дизайнером. А я — писать роман.

— Помню, — сказала я, глядя на своё отражение в зеркале. Пиджак сидел идеально — как вторая кожа. — А потом жизнь... ну, ты знаешь.

— Жизнь не сломала тебя, — твёрдо сказала Идди, подходя ближе и глядя мне в глаза через зеркало. — Она просто заставила тебя забыть, кто ты. А теперь ты вспоминаешь.

Я замерла. В её словах не было жалости. Только правда. И поддержка.

— А ты? — спросила я, поворачиваясь к ней. — Ты ведь тоже молчала последние месяцы. Мы общались только по работе и о работе. Что с тобой?

Она помолчала. Сняла очки, протерла их краем свитера и посмотрела мне в глаза — открыто, без масок.

— Я развелась, — просто сказала она. — Месяц назад. Не сказала никому. Боялась, что вы подумаете: «Опять она, не может удержать мужчину».

— Идди... — прошептала я, чувствуя, как сердце сжимается.

— Да ладно, — улыбнулась она, но в глазах блеснули слёзы. — Он был хорошим человеком. Просто... мы стали чужими. Я больше не узнавала себя рядом с ним. Как будто играла роль жены, а не жила. Понимаешь?

Я подошла и обняла её. Крепко. Без слов. Она прижалась ко мне, и я почувствовала, как её плечи вздрагивают.

— А теперь? — спросила я тихо.

— А теперь я пишу, — сказала она, отстраняясь и вытирая глаза. — Каждый день. Ничего особенного. Просто слова. Но они мои.

Мы вышли из бутика с пакетами и с чем-то большим — с близостью, которая не требует масок. С пониманием, что мы обе — в процессе. В становлении.

Обедали в маленьком кафе с большими окнами. За столом — латте в керамических чашках, тосты с авокадо и тишина, в которой можно услышать себя. За окном моросил дождь. Город жил своей жизнью — люди спешили, машины ехали, где-то играла музыка.

— Ты знаешь, что самое страшное? — спросила я, отламывая кусочек тоста. — Не боль. Не одиночество. А страх, что ты опоздала. Что все шансы прошли. Что ты уже не та, кем могла бы быть.

— А ты и не должна быть «той», — сказала Идди, накрывая мою руку своей. — Ты должна быть этой. Новой. Сломанной, но целой. Уставшей, но идущей. Ты уже не та, кем была в шестнадцать. И это не плохо. Это рост.

Я посмотрела на неё. В её взгляде не было наставлений. Только понимание. Как будто она прошла через то же самое — и выжила. И продолжает жить.

— А ты когда поняла, что пора меняться? — спросила я.

— В ту ночь, когда заплакала над кастрюлей с пастой, — засмеялась она сквозь слёзы. — Просто сидела на полу кухни, держала ложку и думала: «Вот оно? Всё? Я провела жизнь, ожидая, что кто-то сделает меня счастливой?» И я сказала себе: «Хватит». На следующий день записалась на курсы копирайтинга.

— И не страшно?

— Страшно. Каждый день. Но я больше не хочу прятаться за страхом. Я хочу жить, даже если буду ошибаться. Даже если упаду. Я просто хочу быть собой.

Я кивнула. В её словах было больше мудрости, чем в десятке книг по саморазвитию.

Вечером мы зашли в бар — тихий, с приглушённым светом и живой музыкой. Сели у окна, откуда открывался вид на мокрую улицу. У пианино сидел мужчина в очках и играл медленную, грустную мелодию — как будто знал, что нам нужно не веселье, а тишина, в которой можно услышать себя.

— А ты помнишь, как мы в школе боялись быть одинокими? — спросила Идди, помешивая ложечкой в чашке. — Как думали, что если не будет парня, то ты никому не нужна?

— Помню, — сказала я. — А теперь я боюсь не одиночества. Я боюсь снова потерять себя ради кого-то.

— Это уже прогресс, — улыбнулась она. — Раньше ты боялась быть одной. Теперь — быть не собой. Это уже победа.

Мы молчали, слушая музыку. За окном капал дождь. По стеклу стекали капли, как слёзы, которые больше не нужно прятать.

— Знаешь, — сказала я, обхватив чашку обеими руками, — сегодня я впервые за долгое время почувствовала, что дышу. По-настоящему. Как будто всё это время я задерживала дыхание, боясь, что если вдохну — что-то изменится.

— А теперь ты не боишься?

— Боюсь. Но я дышаю. Иду. Делаю. Даже если дрожу.

Идди подняла бокал с вином.

— За нас. За то, что мы не сдались. За то, что начали. За то, что, даже если упадём — встанем. В новом образе.

Я чокнулась с ней. В этот момент я почувствовала: я не одна. И это не слабость. Это сила.

Музыка сменилась. Пианист заиграл что-то тёплое, с лёгким ритмом — как воспоминание о лете, о беззаботности, о времени, когда всё ещё было впереди. Мы заказали ещё по чаю. И вдруг я почувствовала, как внутри что-то сжалось. Не боль. Не тревога. А признание, которое давно ждало своего часа.

— Идди, — тихо сказала я. — Я тебе кое-что не говорила.

Она посмотрела на меня. Не с любопытством. С готовностью слушать.

— Я... общаюсь с Александром.

Она замерла. Не потому что удивилась. А потому что поняла: это не просто фраза. Это признание, за которым стоит целая вселенная.

— Александром? — уточнила она, ставя чашку на стол.
— С твоим директором?

Я кивнула. Медленно. Словно боялась, что если скажу слишком быстро — правда разобьётся на осколки.

— Да. С ним.

— Как давно?

— С его перевода к нам.

Она не стала спрашивать, почему я молчала. Не стала говорить: «Но вы же работаете вместе». Она просто ждала. Потому что знала: сейчас будет главное.

— Мы начали с работы, — сказала я, глядя в чашку. — Он помогал мне разобраться с проектами, поддерживал, когда я сомневалась. Потом мы стали ходить на кофе. Чаше проводить время вместе. Пару раз он приезжал вечером, и мы сидели в машине, разговаривали обо всём и ни о чём. Он дарил цветы. Не по поводу — просто так. И поддерживал, когда мне было особенно тяжело.

Я замолчала. В горле стоял ком.

— Мы не встречаемся, — продолжила я. — Но мы часто говорим, видимся, переписываемся. О чём угодно. О погоде. О книгах. О том, что прошёл он. О том, что прошла я. Он... он не судит. Просто слушает. И знаешь, Идди, рядом с ним я впервые за долгое время чувствую себя... собой.

— Он хороший человек, — тихо сказала Идди. — От него веет светом и спокойствием. Я это видела.

— Да, — выдохнула я. — И я поняла... что я не только могу страдать. Я — человек. И имею право на жизнь и любовь. Даже если она пугает.

— Ты не должна оправдываться, — сказала она твёрдо. — Ты имеешь право на свои чувства. Даже если кто-то считает, что ты «не должна». Ты живая. И ты заслуживаешь тепла.

— А ты ему рассказала про работу? Про всё? — осторожно спросила Идди.

— Да. Всё. Каждую деталь. Каждую рану. Каждый стыд. И он сказал: «Я вижу и чувствую, что ты сильнее, чем думаешь». И знаешь... это было первое, во что я поверила за долгое время.

Мы молчали. Музыка закончилась. Пианист поклонился. В зале захлопали. А мы сидели, держась за руки, как в детстве, когда боялись темноты и грозы.

— Ты знаешь, что самое удивительное? — сказала я. — Я не просила его о помощи. Я просто написала. Просто... поделилась. А он... просто ответил. Без условий. Без упрёков. Просто — «я здесь».

— Это и есть любовь, — тихо сказала Идди, сжимая мою руку. — Не идеальная. Не громкая. Но настоящая. Та, что остаётся, когда всё остальное рушится.

Я кивнула, чувствуя, как по щекам катятся слёзы — тёплые, освобождающие.

— Я больше не хочу бояться, — прошептала я. — Ни прошлого. Ни будущего. Ни себя. Я хочу жить. С памятью, которая не ранит, а учит.

— Ты уже живёшь, — сказала Идди, улыбаясь сквозь слёзы. — Просто наконец это заметила.

Домой я вернулась поздно. Пакеты стояли у двери. Я не стала их распаковывать. Просто повесила новое пальто на вешалку — бережно, как что-то ценное. Включила свет в гардеробной.

Пусто. Но не пусто.

Там было пространство. Для нового. Для настоящего. Для меня — той, кем я становлюсь.

Я села на пол, обняла колени и просто смотрела. На чистые полки. На свет. На отражение в зеркале — уставшее, но жив

Глава 6.

Сегодня я была одета в строгий коричневый костюм — не из тех, что кричат о власти, а из тех, что говорят: я здесь, я готова, я не шутю. Ткань приятно облегла фигуру, придавая уверенности, которой внутри, если честно, было не так много, как хотелось бы. Я поправила воротник перед зеркалом в ванной, вглядываясь в своё отражение: слегка бледное лицо, тёмные круги под глазами — след бессонной ночи, проведённой над таблицами и презентациями. Но глаза горели. Это было главное.

В субботу народу в торговых центрах хоть отбавляй. Са-

мая толкучка происходит во второй половине дня, когда большая часть людей проснулась, прогулялась, поела и приходит закупаться. Особенно — после зарплаты. Тогда воздух становится гуще: смесь духов, кофе, пота, азарта и усталости. Запахи накладываются друг на друга, создавая невидимую симфонию человеческой жизни — хаотичную, но удивительно живую.

Я стояла за стойкой, раздавая пробники, улыбаясь, объясняя, слушая. Женщина средних лет взяла флакон с цитрусовыми нотами и вдруг замерла, закрыв глаза.

— Это... это как у моей бабушки в саду, — прошептала она. — Лимонные деревья. Я совсем забыла.

Её голос дрогнул. Я молча протянула ей салфетку. Она взяла, кивнула благодарно и ушла, унося с собой не просто пробник, а кусочек детства.

Когда я была ребёнком, мама очень редко водила меня в магазины. Денег было мало, времени ещё меньше. Я была очень замкнутой и не дружила почти ни с кем. Другие дети казались мне слишком шумными, слишком непредсказуемыми. Я предпочитала книги и тишину своей комнаты. Единственное яркое воспоминание с подобных мест связано с моим пятым днём рождения. Именно в этот день мама повела меня в парк развлечений, который находился в торговом центре.

Я помню это до мельчайших деталей: яркие огни, музыку, запах попкорна и сладкой ваты, клоуна с красным носом и

огромными ботинками, который дал мне шарик — красный, в форме сердца. Я сжимала ниточку так крепко, что пальцы побелели, боясь, что он улетит. Мои эмоции невозможно было описать. Я чувствовала, будто попала в сказку. Как будто весь мир улыбается мне. Как будто я, наконец, не одна.

Мама купила мне мороженое — клубничное, в вафельном рожке. Мы сидели на лавочке, и она смотрела на меня так нежно, что я до сих пор, спустя годы, чувствую это тепло. Тогда я не понимала, чего это ей стоило — и времени, и денег, и сил. Но сейчас, став взрослой, я знаю: это был её способ сказать «я люблю тебя», когда слов не хватало.

И сейчас, стоя за стойкой, раздавая пробники, наблюдая за лицами людей, я вдруг почувствовала то же самое. Не детский восторг. А смысл. Глубокий, почти священный. Я была не просто сотрудницей. Я была частью чего-то большего. Я помогала людям вспомнить. Я давала им повод остановиться. Закрыть глаза. Вдохнуть. Почувствовать. Вернуться туда, где они были счастливы. Или хотя бы живы.

Часы тянулись медленно. Ноги гудели. Улыбка становилась механической. Но я держалась. Каждый раз, когда хотелось сесть, я вспоминала ту женщину с лимонными деревьями. И продолжала.

В 19:00, когда последний посетитель ушёл, а сотрудники начали убирать стойку, складывая флаконы в коробки, протирая поверхности, пришло уведомление на телефон:

«Срочное собрание. Конференц-зал. 19:30. Присутствие

обязательно».

Я вздохнула. Устала. Хотелось домой — в ванну, с книгой, с бокалом вина. Но поехала. По дороге включила радио — играла какая-то мелодичная джазовая композиция. За окном город медленно погружался в вечер: огни витрин, силуэты прохожих, первые капли дождя на лобовом стекле. Пока ехала, думала о том, что же будет там. Что случилось и что нового сейчас произойдёт. Интуиция шептала: что-то важное. Что-то, что изменит всё.

Зал был полон. Все руководители отделов, региональные менеджеры, HR, финансы. Даже директор по логистике, который обычно не показывается в центре, сидел в углу, хмурый и сосредоточенный. В воздухе висело напряжение. Как перед грозой. Как перед казнью. Люди переглядывались, шептались, но никто не улыбался.

Я села на свободное место в третьем ряду, рядом с Идди. Она коротко кивнула мне, но её обычная лёгкость куда-то исчезла. Александр сидел через ряд, напряжённый, с каменным выражением лица.

Директор по развитию, Дмитрий Сергеевич, встал у экрана. Лицо — каменное, без единой эмоции.

— Коллеги, — начал он, и его голос прорезал тишину, как нож, — вы и сами чувствуете: ситуация в компании ухудшается. Падение продаж по итогам квартала — 17%. Отток клиентов — 23%. Финансовая проверка выявила несоответствия в отчётности по трём регионам. Мы на грани кризиса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.